

В номере:

- 1** **Зачем Казахстану ОБСЕ?**
Олег Панфилов
- 2** **Шпионские страсти**
Наргис Зокирова
- 4** **Третий лишний**
Елена Аксинина
- 5** **Гражданский сектор...**
Бакыт Ибраимов
- 6** **Отвлекающий маневр**
Пайрав Чоршанбиев
- 7** **Туркменская зачистка**
Мурад Айтаков
- 8** **Доноры — не панацея**
Азиза Расулова

Зачем Казахстану ОБСЕ?

Олег Панфилов

Когда почти 31 год назад, 1 августа 1975 года Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И.Брежнев подписал в Хельсинки Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, мало кто в Кремле сомневался, что свою витиеватую роспись обладатель всех мыслимых и немыслимых наград и званий ставил без каких-либо обязательств.

То есть, конечно, фанфары звучали, дикторы Центрального телевидения об этом говорили, но сам текст Заключительного акта в СССР видели немногие. Потому сразу и была создана Московская Хельсинкская группа, чтобы население страны знало об обязательствах, которые Кремль взял на себя. Часть членов МХГ посадили в лагерь, а статьи советской Конституции остались буквами на бумаге до горбачевской перестройки.

Так, собственно, и начиналась ОБСЕ, организация, которая вначале называлась СБСЕ (Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе), а с 1 января 1995 года СБСЕ была преобразована в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе. Членами ОБСЕ сейчас являются 55 стран, включая США и Канаду, и после окончательного оформления «развода» между Сербией и Черногорией, количество стран-участников станет 56.

Бывшие советские республики почти сразу после объявления суверенитетов, стали членами СБСЕ, подписали текст Заключительного акта, приняв на себя обязательства — Декларацию принципов, которыми государства-члены должны руководствоваться во взаимных отношениях и определяющие нормы взаимоотношений и сотрудничества. Всего 10 принципов: **суверенное равенство, уважение прав, присущих суверенитету; неприменение силы или угрозы силой; нерушимость границ; территориальная целостность; мирное урегулирование споров; невмешательство.** Окончание читайте на стр. 3

И вновь продолжается бой

Азиза Расулова (Ташкент)

Необъявленная война узбекского режима против неправительственных организаций началась с закрытия представительства Фонда Сороса в апреле 2002г. Это событие совпало с серией взрывов, произведенных смертниками в Ташкенте и Бухаре, направленных, по всей видимости, против органов милиции.

Решение закрыть Институт Открытое Общество последовало после того, как иностранным организациям, работающим в Узбекистане, было заявлено, что они должны пройти перерегистрацию. Новые правила регистрации содержали такие ограничения, в результате которых власть фактически получала право вето при утверждении программы работ международных неправительственных организаций. Согласно новым банковским ограничениям, правительство должно было сформировать специальный комитет и следить за всеми грантовыми операциями, что фактически пресекало возможность международным организациям платить местным получателям грантов. Министр юстиции заявил о ряде нарушений местного законодательства, среди которых, была интересная ремарка: «Несмотря на многократные обращения Минвуза, фонд закупал и распространял среди

учебных учреждений учебно-методическую литературу по общественно-гуманитарным дисциплинам, содержащую информацию, искажающую суть и содержание проводимых в Узбекистане социально-экономических общественно-политических реформ». По сути, организацию признали инакомыслящей и не соответствующей требованиям узбекского режима.

Другое знаменательное событие, которое называют основной причиной того, почему узбекские власти решили пресечь деятельность Фонда, помогавшего развитию гражданского общества — революция в Грузии. Якобы, после этого бывший президент Грузии Шеварднадзе предупредил Каримова: «Будь осторожен, держись подальше от Сороса». В ответ на закрытие ташкентского офиса Джордж Сорос на пресс-конференции в рамках ежегодного собрания Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) в Лондоне, сказал: «Узбекистан душил гражданское общество, а его отношение к правам человека вселяет ужас».

Следующим шагом в удущении гражданского общества стало закрытие ташкентского представительства Института по освещению войны и мира (IWPR). Имеющий офисы по всему центрально-азиатскому региону, Институт впервые начал работу в Узбекистане весной 2000 года.

Несмотря на то, что МИД Узбекистана выдал IWPR аккредитацию на один год, начиная с сентября 2001 года, дальнейшие попытки продлить аккредитацию, были безуспешными. В мае 2003 года представительство получило официальное письмо о том, что, поскольку институт работает в конфликтных зонах, к которым Узбекистан не относится, необходимости в его работе в стране нет.

Несмотря на резкую критику Запада за «систематические нарушения прав человека», президент Ислам Каримов продолжал действовать таким образом, чтобы заслужить и упрочить титул худшего врага свободы и демократии. Хотя, до известных кровавых событий в Андижане он следил за своим имиджем и явно хотел отличаться, например, от Туркменбаши. Все это осталось в прошлом, теперь настали поистине «черные дни» для неправительственного сектора республики. Каримов ужесточает политику внутри страны, полностью отказываясь от демократического курса. Узбекистан закрывается для Запада и выстраивает железный занавес.

В октябре 2005 года корпорация Биби-си объявила о закрытии своего офиса в Узбекистане, объяснив это преследованием журналистов со стороны местных властей.

Окончание читайте на стр. 3

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Шпионские страсти

Наргис Зокирова

Последний месяц взаимоотношения между Таджикистаном и Узбекистаном можно охарактеризовать, как шпионскими. Если до этого таджикские правоохранительные органы рапортовали о задержании членов Исламского движения Узбекистана (ИДУ), то теперь сводки идут о количестве задержанных узбекских шпионов, а таджикские суды, в свою очередь, оперативно начали их судить — за прошедший месяц трое узбекских «джеймс бондов» были приговорены к разным срокам вплоть до 13 лет лишения свободы. Узбекистан не остался в стороне и уже появляется информация о том, что на приграничной территории задержан гражданин Таджикистана, который имел поручение от руководства МВД Таджикистана совершить диверсии и теракты на территории Узбекистана. Шпиономании между двумя странами предшествовало обвинение руководителей правоохранительных органов обеих стран в адрес друг друга. Но, все это оказалось обычной арт-подготовкой перед более серьезными действиями. Наконец, президент Таджикистана Эмомали Рахмонов на последней встрече глав государств-членов ОДКБ в Минске открыто заявил о том, что Узбекистан не выполняет взятые на себя обязательства при вступлении в ЕврАзЭС.

Взаимоотношения между двумя государствами не складываются вот уже около 15 лет. Это достаточно болезненный вопрос для официального Душанбе. Причем, необходимо отметить, что правительство Таджикистана, неоднократно заявляло, что Таджикистан готов к диалогу и сотрудничеству. И это не смотря на то, что официальный Узбекистан в течение многих лет игнорирует заявления Рахмонова, стараясь всячески оградиться от Таджикистана, заминировав в одностороннем порядке таджикско-узбекскую границу.

В действительности получается парадокс. Узбекистан и Таджикистан самые близкие соседи. Их разделяет лишь общая государственная граница. Оба государства имеют общие исторические корни, культуру и традиции. Между узбеками и таджиками достаточно много смешанных браков и никогда между двумя народами не наблюдалось вражды на национальной почве. На территории Таджикистана проживают около 1 млн. этнических узбеков, в Узбекистане же, по различным оценкам, проживающих таджиков в несколько раз больше. Отсутствие наземного и воздушного сообщений между двумя государствами и визовый режим осложняют взаимоотношения родственных связей узбеков и таджиков. Так, например, для того, чтобы сыну, проживающе-

му, скажем, в Худжанде, навестить больную мать или поехать на похороны в Узбекистан, необходимо для начала приехать в Душанбе за получением визы, на что он должен потратить несколько дней и приличную сумму денег. После чего он должен вернуться в Худжанд и только оттуда выехать в соседнее государство.

Кроме того, в 2000 году Узбекистан в одностороннем порядке заминировал участки госграницы с Таджикистаном. В общей сложности, начиная с этого периода на участках госграницы Таджикистана и Узбекистана, от взрывов противопехотных мин погибли и получили увечья несколько десятков человек. И хотя в последнее время узбекская сторона неоднократно заявляла о том, что приступила к заминированию отдельных участков границы, официальный Душанбе до сих пор об этом не имеет никакой информации.

Заминировав участки своей границы, официальный Узбекистан объяснял свои действия тем, что ограждает территорию своего государства от прорыва боевиков и террористов с таджикской территории. Однако, в течении всех этих лет еще ни один террорист или боевик не подорвался на узбекской mine. На них, к сожалению, в мирное время, подрываются лишь простые жители обоих государств.

Между тем, в обнародованном недавно опровержении Государственного комитета по охране государственной границы Таджикистана (ГКОГГ РТ) на статью Ахмада Ризаева «Безграничный беспредел на таджикско-узбекской границе», опубликованной в сети Интернет говорится, что «по данным таджикских пограничников, на территорию Таджикистана из Узбекистана проникают члены различных бандформирований, организуются и проводят теракты, в ходе которых гибнут невинные люди. Так, в январе 2005 года трое членов антиконституционных сил (АКС), дислоцирующихся на территории Республики Узбекистан, организовали взрыв у здания Министерства по чрезвычайным ситуациям и гражданской обороне Республики Таджикистан, а в январе 2006 года совершили убийство начальника Военного института Министерства обороны Республики Таджикистан. Вина и причастность членов бандформирования, по данным Комитета, доказана. «Более того, в ходе следствия было установлено, что они неоднократно возвращались в Узбекистан и поддерживали связь с бывшим мятежным полковником Махмудом Худойбердыевым, который пользуется покровительством спецслужб Узбекистана. Более того, нельзя не забыть и факт вооруженной агрессии боевиков мятежного полковника Худойбердыева в ноябре 1998 года, вероломно вторгшихся с террито-

рии Республики Узбекистан в Согдийскую область Республики Таджикистан», — отмечается в опровержении. В результате вторжения этого бандформирования, которое насчитывало более одной тысячи боевиков, было убито 25 сотрудников правоохранительных органов Республики Таджикистан и более 100 получили ранения различной степени тяжести.

Руководители правоохранительных органов Таджикистана не раз заявляли о том, что они направляли в Узбекистан официальный запрос с просьбой выдать Махмуда Худойбердыева, но ни разу никакого ответа так и не получали. В свою очередь, по их словам, таджикская сторона всегда выдает преступников на запрос Генпрокуратуры Узбекистана.

24 мая нынешнего года Генсек ЕврАзЭС Григорий Рапога, после встречи с президентом Таджикистана Эмомали Рахмоновым, заявил журналистам, что Узбекистан до конца 2006 года в соответствии с решением всех президентов государств-членов ЕврАзЭС, включая и самого Узбекистана, должен присоединиться ко всем договорам и соглашениям ЕврАзЭС. Согласно этим документам Узбекистан обязан ратифицировать более 65 документов, в том числе, и о безвизовых поездках граждан. Таджикистанцы, а в особенности этнические узбеки, с большим нетерпением ждут отмены Узбекистаном визового режима, ожидая, что это произойдет в ближайшие месяцы. Однако некоторые высокопоставленные чиновники достаточно скептически относятся к этому вопросу. Так, например, депутат таджикского парламента 14 июня, после ратификации парламентом Протокола о присоединении Узбекистана к Договору об учреждении ЕврАзЭС, сказал журналистам: «Складывается такое впечатление, что Узбекистан не очень уж и стремится ратифицировать соглашения ЕврАзЭС. И мы все знаем, как и при каких условиях, Узбекистан был вынужден присоединиться к ЕврАзЭС. Мы рассчитываем, что правительство Таджикистана, в случае если Узбекистан станет затягивать с ратификацией этих соглашений, поставит на обсуждение этот вопрос».

И как уже отмечалось выше, президент Рахмонов в Минске, все-таки, высказал свое отношение к этой теме. Но теперь не известно, что будет дальше. Или Узбекистан действительно вовлечется в интеграционные процессы в регионе, в частности с Таджикистаном или же еще более усилит свои границы? Если, все же произойдет второй вариант, то эксперты не исключают, что в ближайшее время «шпиономания» в отношениях между двумя странами приобретет иные формы, а там уже жди высылки и дипломатов. Но, причем здесь народы этих двух стран? ●

Зачем Казахстану ОБСЕ?

Окончание. Начало читайте на стр. 1

тельство во внутренние дела; уважение прав человека и основных свобод; равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой; сотрудничество между государствами; выполнение международно-правовых обязательств.

Все 55 стран-участниц приняли на себя обязательства выполнять принципы. Даже те страны, которые территориально не являются европейскими, но поскольку они входили в формальное европейское государство СССР, то и были приняты на равных. Казалось бы, новым независимым государствам был дан шанс стать не только суверенными, но и демократическими. Но в Центральной Азии произошло все иначе: Туркменистан превратился в государство с авторитарным режимом, почти сразу, вслед, подтянулся Узбекистан, потом началась гражданская война в Таджикистане. И только в Казахстане и Кыргызстане происходили события, которые не отвечали всем принципам ОБСЕ, например, по части соблюдения прав человека, но все сводилось к разговорам о государственной молодости, неопытности политиков, тяжелом наследии советского прошлого и проч.

Серьезные изменения стали происходить в последние годы, когда российский МИД, определивший политику в странах СНГ в качестве приоритетной, стал высказывать претензии по поводу оценки мониторинга нарушений прав человека и проведения выборов президентами. Действительно, странные эти люди европейцы: им уже 15 лет объясняют, что в Центральной Азии своя собственная демократия. На самом деле, это не демократия, но вряд ли президенты Каримов, Ниязов или Назарбаев сами назовут свои режимы авторитарными. Ну и что, что они у власти все эти 15 лет? Это, как они полагают, и есть особенность центрально-азиатской демократии.

Наконец, кто сказал, что выборы в странах Центральной Азии недемократические? Они самые что ни на есть демократические, потому что телевидение настойчиво, всю предвыборную кампанию говорит только о «главном демократе», который и становится президентом. В очередной раз. Некоторые даже пожизненно.

Кто сказал, что в Центральной Азии нарушаются права человека? Во-первых, эти «человеки» сами не знают своих прав. Во-вторых, как полагают власти, если они сами не знают, то и нарушать собственноручно нечего. Вот такая центрально-азиатская демократия.

К этому стоит добавить, что центрально-азиатская демократия в рамках постсоветского пространства оценивается не

мониторингом нарушений прав человека, а объемом нефтяных и газовых месторождений. Если бы в Латвии была нефть и газ, то российский МИД закрыл бы глаза на все свои претензии. Зато газ и нефть есть у Туркменбаши, Назарбаева и Каримова. Теперь можете попытаться посчитать, сколько заявлений о нарушениях прав русскоязычных в странах региона выдал российский МИД. Правильно, несколько, потому что в СНГ давно сформировано правило — где есть нефть и газ, там прав человека просто быть не может.

ОБСЕ, в отличие от Кремля, пытается разговаривать с центрально-азиатскими странами не на странном «углеводородном языке», а увещаниями, например, относительно контролируемого в большинстве стран телевидения и непрозрачных выборов. Что они в ответ слышат? Правильно: «Не ваше дело, у нас собственная демократия. Будете придираться — пожалуемся в Кремль».

Ситуация в разной степени отличия в мелких деталях абсолютно одинакова везде — от Казахстана до Таджикистана. То есть, гуманитарная составляющая Принципов ОБСЕ не выполняется повсеместно. И так было до 6 апреля 2004 года, пока нелегкая не попутала Соломона Паси — министра иностранных дел Болгарии, страны, возглавлявшей тогда ОБСЕ. На встрече с президентом Назарбаевым он сказал, что «...к 2009 году Казахстан может стать достойным кандидатом на председательство в ОБСЕ».

Ну, сказал — и сказал, мало ли что дипломаты говорят на своем странном языке, который, на самом деле, ни к чему не обязывает. Но Нурсултан Абишевич ухватился за эту идею, и третий год не устает убеждать все мировое сообщество (конечно, в рамках ОБСЕ), что Казахстан — именно такая страна, которая достойна возглавлять эту организацию.

Что будет дальше? Российский МИД задумал реформу ОБСЕ, против которой подавляющее большинство стран. Кто поддержит Кремль? Правильно, Казахстан, Беларусь и другие страны СНГ. Но и Казахстан, и другие «демократические» страны СНГ не должны не понимать, что ОБСЕ не отойдет от Принципов, которые были приняты более 30 лет назад. Не сможет ничего изменить и Казахстан, если конечно, он станет председателем ОБСЕ. В лучшем случае, наступит кризис ОБСЕ, который через год закончится. И тогда инициаторам Хельсинкского акта придется думать всерьез о том, что делать с этими играми в постсоветскую «демократию».

Ничем, кроме ухудшения имиджа для Казахстана это не грозит. И пока есть запасы нефти в этой стране, амбиции будут захлестывать здравый смысл. ●

И вновь продолжается бой

Окончание. Начало читайте на стр. 1

Так, например, были закрыты ташкентские офисы радио Би-Би-Си и «Свобода».

В марте 2006 в компании по подавлению иностранных неправительственных организаций появились еще две новые жертвы. Ташкентский городской суд вынес решение о приостановлении деятельности представительства Freedom House в Узбекистане за то, что там нелегально предоставлялся доступ в Интернет местным правозащитникам.

Фонд Eurasia Foundation, который обвинили в нарушениях своего устава, а также в проведении семинаров, без разрешения официальных органов, сообщил, что он добровольно закрывает свое представительство в Узбекистане после 12 лет работы в стране. Тем самым фонд отказался вести какую-либо борьбу в суде. «Наблюдая за опытом других международных организаций, мы пришли к выводу, что у нас нет шансов на победу. Поэтому мы решили самоликвидироваться и не участвовать в судебных процедурах», — сказал Джефф Эрлих, директор представительства Eurasia Foundation в Ташкенте.

27 апреля 2006 года Ташкентский городской суд принял решение о ликвидации узбекского представительства Ассоциации американских юристов (American Bar Association — ABA/CEELI). Ничего нового узбекское правительство не придумало. И в этот раз Министерство юстиции направило представление о прекращении деятельности Ассоциации американских юристов, обосновывая подобную необходимость многочисленными нарушениями законодательства этой организацией, выявленными в ходе проверки ее деятельности. Американской ассоциации юристов вменили в вину оказание юридической помощи незарегистрированным организациям, создание и поддержку местных ННО, непредставление документов, подтверждающих использование имущества и денежных средств, осуществление деятельности в качестве филиала и то, что финансируемая представительством адвокатская фирма оказывала юридические услуги незарегистрированным структурам.

1 мая 2006 года Министерство юстиции внесло в суд представление о ликвидации представительства еще одной иностранной неправительственной организации — Counterpart International.

По иронии судьбы в Узбекистане продолжает работать офис одной из самых критически настроенных правозащитных организаций — «Human Rights Watch». В апреле этого года Министерство юстиции провело аудиторскую проверку деятельности представительства. Результаты проверки пока не объявлены. ●

ТЕМА НОМЕРА: НПО

Третий лишний

Елена Аксикина (Алматы)

Казахстану грозит новая форма развития демократии — без третьего сектора. И одной из причин этого могут стать собственно те, кто этому сектору помогал становиться — международные донорские организации.

Background — взгляд со стороны

Казалось бы — парадокс, абсурд. Но сценарий в стиле — я тебя породил, я же и убью — распространяются, к сожалению, и на то, что принято называть неправительственным сектором. Зарождался он в Казахстане, как и в других постсоветских пространствах бурно, деньги на него шли щедро, социально активных граждан впитывал все больше.

Шли годы. Бюрократические структуры, обслуживающие выдачу грантов, разрастались в мега-организации с бюджетом на операционные расходы, превосходящими собственно грантовые объемы. Привычно, в конце каждого года шел «слив» бюджета под все подряд идеи и проекты, желательные модные — терроризм, феминизм. В начале года проектов меньше — доноры считают и тратят на себя. Реальный эффект от проектов оценивался по цифрам и слогу в отчетах. А демократия все не наступала, гражданский сектор так и не становился влиятельным, а его КПД оставался примерно на том же уровне, что и в середине 90-х. Доноры отчитывались перед своими донорами и правительствами, потупив взор и ссылаясь на сложную обстановку и нерадивых грантеров. Нерадивые грантеры продолжали окупать полюбившихся доноров и писать красивые отчеты. Объем грантов стал сокращаться. Между благородными деятелями из НПО все чаще стали происходить ссоры. Из-за ревности, зависти, амбиций, денег. Очень многие НПО из первой волны либо перессорились, либо закрылись. СМИ перестали писать о гражданских инициативах, убедившись, что все это слова и формальность. Для молодых журналистов, слово «НПО» все чаще становилось непонятным и незнакомым. В отличие, например, от «холдингов». Эти самые НПО перестали быть ньюс-мейкерами. А как иначе, если многие из них ограничивали свой эпистолярный потенциал творческими отчетами?

Экономика стабилизировалась. Государство все больше внимания стало уделять тому, что творится в мире НПО, особенно напрягшись после ряда цветных революций и восторженной реакции НПО, причисливших себя к победителям.

Начались массовые проверки, драконовские законодательные инициативы, штрафы, паника в рядах расслабившихся общественников.

Результаты — срез

В итоге само понятие — «гражданский сектор» — стало в умах граждан же отстраненным и скучным. Мало того — абсолютно не престижным. В эпоху рационализма, дорожающей нефти, шоу-бизнеса, манящего легкими коррупционными деньгами кресла чиновника работа в каком-то НПО для энергичных молодых людей стала наихудшей перспективой, чем-то вроде синонима неудачности.

Многие из тех, кто когда-то пришел в мир НПО и мог принести там пользу, разочаровавшись, ушел в коммерцию, госорганы. А зачем оставаться, если зарплата в десять раз ниже, нестабильная, начальник вообразил себя мини-богом, а работа заключается в формировании раздаточных материалов в бесконечных, бесполезных и однообразных семинарах с километровыми названиями?..

Где энтузиазм с патриотизмом, спросите? Там же, где и совесть руководителя международной организации, который, сидя где-нибудь в Цюрихе или Бонне, почему-то решил, что 50 долларов минус налоги — цифра-мечта для гонорара сотруднику НПО. Причем во всех странах региона — от Кабула до Алматы. Невзирая на продуктовую корзину, уровень инфляции и мягко говоря, изменившиеся по сравнению с 90-ми — зарплаты в среднем по стране.

Там же, где и неподдающаяся анализу логика доноров: аренду и зарплаты мы не оплачиваем; оборудование мы не оплачиваем; оплачиваем только полиграфию; вы не должны коммерциализоваться; но вы должны быть устойчивыми и независимыми. В итоге, мини-бог просит расписаться за другую сумму, часть из сэкономленных, таким образом, средств идет на аренду с телефоном и на безнадежно старый компьютер.

«Перспективы»

Оптимистичное слово «перспективы» вряд ли применимо к миру НПО. В частности, в Казахстане, хотя подозревается, что в других странах ситуация примерно та же. На фоне «дурных» сырьевых доходов, финансисты ломают голову в поисках рецептов от голландской болезни, нависшей над казахстанской экономикой. Проще говоря — ответ на вопрос «куда девать лишние деньги?» стал самым актуальным в Казахстане. При отсутствии производственного и инновационного секторов, фондового рынка, деньги пере-

гревают экономику, вызывая безудержный рост цен. Жилье уже стоит так же, как и в Москве, зарплата в тысячу долларов звучит для образованного и англоязычного почти как оскорбление.

В контексте всего этого НПО со своими семинарами и круглыми столами, наивными западными тренерами, по инерции преподающими банальщину, издательскими зарплатами и нестабильностью — просто очень неконкурентоспособны.

И выход здесь один — тотальная реформа отношения западного мира к формированию донорской политики в постсоветских странах. Чтобы размеры гонораров и зарплат, а также статьи расходов в рамках грантов формировали наиболее уважаемые местные эксперты с учетом индексации и инфляции.

Есть, конечно, и второй выход — перемиграция НПО под государство или бизнес. Но бизнес сам зависит от государства. Впрочем, на фоне неповоротливости западной бюрократической машины, меценатство, остается чуть ли не единственной надеждой у НПО.

Так, теоретически деньги на развитие третьего сектора есть, к примеру, у «Seimar Social Fund» — группы меценатов, объявивших о желании финансировать социально значимые проекты. Но деньги эти идут, что вполне понятно, на «попсовые» проекты, гарантирующие фонду освещение в СМИ — памятник Биттлзу в Алматы, книгу про элиту казахстанской журналистики, спасение сайгаков и т.д. вряд ли бизнесменов можно обвинить в том, что эти проекты не очень социально значимые и обходят тысячи НПО. Их дело, куда тратить и что считать социально важным.

Трудно обвинить и доноров. Во-первых, они далеко и заняты, чтобы вникать, чем отличается Таджикистан от Казахстана. Во-вторых, официально прожиточный минимум — примерно 60 долларов, хотя в реальности прожить на эти деньги в Казахстане невозможно. А в отдельных, дорогих, регионах — типа Алматы, Астаны или Атырау — подавно.

По словам представителя Фонда Фридриха Эберта в Казахстане Эльвиры Пак, если государство хочет развивать демократию, значит, оно должно быть заинтересовано в НПО. По ее мнению, «нельзя сказать, что они в Казахстане не развиваются, но хотелось бы видеть иные темпы». Хорошая фраза. Теперь необходимо знать: если НПО нужно ускориться, то за кем. И как развиваться, если гражданский сектор все менее конкурентоспособен в принципе — как в кадрах, так и в устойчивости. ●

ТЕМА НОМЕРА: НПО

Гражданский сектор обеспокоен действиями властей

Бакыт Ибраимов (Ош)

Власти Кыргызстана продолжают оказывать давление на ряд международных и неправительственных организаций (НПО), активно работающих в сфере гражданского общества. Проверке со стороны контролирующих органов подвергаются те международные организации и НПО, которые считаются по оценке властей политизированными и получающими финансирование из-за рубежа.

Администрация Социального фонда города Бишкека обвинила международную организацию Freedom House, действующую в Кыргызстане с 2002 года — в неуплате социальных налогов, задолжав государству миллионы сомов. Гродской социальный фонд вышел на Freedom House из объявления в одной из газет, где данная организация приглашала людей на работу.

«Эта международная организация не выплачивала налоги с начала осуществления своей деятельности на территории нашей страны, — заявил начальник Бишкекского городского управления социального фонда Акылбек Темиркулов. — Мы решили проверить, есть ли в имеющейся у нас картотеке плательщиков страховых взносов данная организация — оказалось, что она в ней не значилась».

После этого администрация Соцфонда обратилась с письмом во Freedom House и представительство ЮСАИД (Агентство США по международному развитию) в Кыргызстане, которые ответили, что по соглашению подписанном в 1993 году между правительствами США и Кыргызстана, проверяемая организация освобождена от социальных отчислений.

Темиркулов сообщил, что подобных организаций в Кыргызстане много. «Мы намерены работать со всеми международными структурами, посольствами, — сказал он. — В ближайшее время мы намерены официально обратиться в Министерство экономики и финансов с просьбой предоставить перечень всех финансовых проектов международных организаций, реализуемых в Кыргызстане».

Комментируя данную ситуацию, представитель ЮСАИД в Кыргызстане Клиф Браун в интервью агентству АКИпресс 21 июня 2006 года сообщил, что в настоящее время документы, описывающие деятельность Freedom House, находятся в Генеральной прокуратуре. «От нас также потребовали документы, объясняющие отношения ЮСАИД с данной организацией, но мы имеем иной статус, чем наши партнеры», — заключил Браун.

И теперь не исключено, что ситуация с Freedom House, может превратиться в

громкое судебное разбирательство, если власти страны будут продолжать усиливать контроль за деятельностью так называемых политизированных НПО, которые работают в Кыргызстане за счет грантов международных институтов и стран дальнего зарубежья. Этот фактор начал увеличивать дистанцию между властью и гражданским сектором.

«В расчете на душу населения, ни в одном государстве Центральной Азии нет столько политических партий и НПО, как в Кыргызстане, — говорит заместитель директора Международного института стратегических исследований при президенте страны, доктор исторических наук, профессор Ташмамбет Кененсариев. — Например, такая организация, как НДИ (Национальный демократический институт США) не только отслеживает у нас политическую ситуацию, но и создает инструмент влияния и лоббирования своих интересов в ущерб национальным интересам Кыргызстана».

По его словам, НДИ делает упор на развитие института политизированных НПО, которые затем служат рычагом давления на власть. «Впервые в капкан НДИ попала коалиция «За демократию и гражданское общество», которая была сформирована в декабре 1998 года из 78 общественных организаций Кыргызстана, — говорит Кененсариев. — За период с 2001 года по настоящее время коалиция получила от международных организаций около \$800 тыс., что сопоставимо с бюджетом отлично работающего предприятия».

Эту проблему попытался поднять Омбудсмен страны Турсунбай Бакир уулу, инициировавший внесения дополнений в Закон «О некоммерческих организациях», направленные на восполнение пробела в законодательстве Кыргызстана. Согласно Закону «О политических партиях», деятельность иностранных политических партий или их филиалов, а также финансирование иностранными государствами политических партий запрещена. Запрет на деятельность кыргызстанских НПО, которые финансируются различными иностранными институтами и занимаются политической деятельностью на территории Кыргызстана — законодательством не предусматривается.

Кроме того, в статье 8 Конституции указывается, что «не предусматривается деятельность некоммерческих организаций, которые спонсируются из-за рубежа и действуют как политические партии, фактически подменяя их». Данная инициатива была предложена в связи с тем, что интересы не всех иностранных государств

и международных организаций имеют конструктивный характер.

В связи с этим реакция некоторых НПО была незамедлительной. В пресс-релизе правозащитного центра «Граждане против коррупции» говорилось о том, что принятие данных инициатив Омбудсмена страны «может нанести урон развитию гражданского общества, привести Кыргызстан к откату от демократических принципов и ценностей, а также к ухудшению отношений с международными финансовыми институтами».

Кроме того, его лидер Толекан Исмаилова заявила: «В случае повторения, каких-либо последующих угроз и правонарушений в отношении активистов, правозащитников со стороны властных структур или института Омбудсмена, а также антиконституционных инициатив по изменению законодательной базы некоммерческих организаций, она намерена подать в суд».

Против НПО, существующих на западные средства, в разное время выступали министр юстиции, руководство спецслужб и даже омбудсмен. Причиной нелюбви к гражданскому сектору, активно участвующему в политическом процессе, называлась потенциальная угроза национальной безопасности, которую могли скрывать в себе местные НПО, получающие западные гранты. Новый эпизод кампании против НПО, по некоторым бытующим версиям, может быть связан с участием ряда крупных правозащитных организаций в оппозиционном движении «За реформы!»

По данным Министерства юстиции, в стране зарегистрировано около 7000 НПО и аккредитованы 30 международных организаций, которые реализуют более 200 проектов. И заявление министра юстиции Марата Каипова о том, что НПО, получающие зарубежное финансирование подлежат проверке, вызвало неоднозначную реакцию в обществе.

Тогда Ассоциация центров по поддержке гражданского общества (АЦПО) распространила обращение, в котором говорилось, что представители гражданского сектора выражают свой протест и крайнюю обеспокоенность в связи с проверкой международных организаций и НПО, получающих финансирование из-за рубежа. «На наш взгляд данное решение является грубейшим нарушением Закона «О некоммерческих организациях», — говорится в обращении, — согласно которому государство гарантирует некоммерческим организациям условия для выполнения ими уставных задач и запрещается вмешательство государственных органов или должностных лиц в их деятельность».

ТЕМА НОМЕРА: НПО

Отвлекающий маневр

Пайрав Чоршанбиев (Душанбе)

После того, как ряд неправительственных организаций Таджикистана изъявили желание участвовать в предстоящих президентских выборах в качестве независимых наблюдателей, власти, наряду с всевозможными проверками, серьезно начали пересматривать их юридический статус.

Некоторые «политизированные» неправительственные организации Таджикистана еще в прошлом году заявили о своем намерении участвовать в предстоящих осенью нынешнего года президентских выборах не только в качестве электората, но и как независимых наблюдателей. Об этом говорилось в их заявлении, отправленном на имя президента, парламента и международных организаций.

Тем временем, неправительственные организации в стране стали все чаще подвергаться нападкам со стороны государства. Хотя до недавних времен таджикские «энпеошники» в отличие от туркменских и узбекских коллег пользовались значительной свободой, в последние годы идет полномасштабный контроль над их деятельностью со стороны правоохранительных органов. Примечательно, что проверки проводят не налоговые органы и не Министерство юстиции, а Управление по борьбе с организованной преступностью МВД.

Многие политологи в Таджикистане связывают нынешние проверки деятельности местных НПО именно с их желанием участвовать в предстоящих президентских выборах в качестве независимых наблюдателей.

Напомним, что в прошлом году таджикские НПО по указанию министра внутренних дел подвергались проверкам. Хотя представители правоохранительных органов объясняли необходимость проверок тем, что им необходимо установить, на сколько деятельность НПО соответствует конституции, действующему законодательству страны, а также уставам этих организаций. На сами руководители НПО говорили, что такое пристальное внимание властей связано с мартовской революцией в Кыргызстане и андижанскими событиями в Узбекистане. Власти рассматривали НПО как подрывные, экстремистские организации, готовящие смену власти.

По мнению политолога Камола Абдуллаева, таджикские НПО разобщены и деполитизированы. «Они недостаточно сильны, сплочены и самостоятельны, чтобы всерьез противопоставить себя власти. Те, кто опасается, что где-то в недрах таджикского НПО-движения клионируются новые «саакашвили», могут вздохнуть облегченно», — говорит он.

Тем не менее, власти Таджикистана, прекрасно понимая то, что успехи боль-

шинства НПО, достигших определенных на сегодняшний день результатов, объясняются поддержкой международных доноров, считают, что подобные организации, финансируемые из-за границы, в основном, преследуют все же не социальные, а политические цели.

«В Гражданском кодексе сказано, что общественные организации и движения, преследующие политические цели, не вправе получать финансовую или иную материальную помощь от иностранных организаций, граждан и государств», — отметил в беседе с нами начальник управления по регистрации общественных объединений и политических партий Минюста Давлат Сулаймонов.

Таким образом, по инициативе правительства Министерство юстиции разработало новый проект Закона «Об общественных организациях» с многочисленными поправками. Заместитель министра Рустам Менглиев считает, что многие НПО просто не соблюдают закон, не предоставляют в органы юстиции годовые отчеты, их руководство всячески стремится избежать налогообложения. «Всего 12-15 процентов НПО соблюдают установленный порядок оповещения Минюста об изменениях в своей деятельности, а также не все зарегистрированные НПО своевременно становятся на учет в налоговых органах и ведут бухгалтерский учет в соответствии с действующим законодательством», — говорит он.

По словам Менгалиева, после принятия данного законопроекта, НПО должны будут ежегодно перерегистрироваться в Минюсте. «Согласно проекту этого Закона, все неправительственные организации в срок с 1 января 2007 года по 1 марта того же года будут обязаны пройти перерегистрацию в органах юстиции», — говорит Менглиев. — В противном случае мы будем предпринимать меры».

Между тем представители общественных организаций подвергли жесткой критике новый законопроект «Об общественных организациях». По их словам, новая редакция данного Закона усложняет и без того обременительный для НПО процесс регистрации и деятельности.

Более того, учитывая, что на выполнение всех формальностей неправительственным организациям дается всего лишь три месяца, многие НПОшники сомневаются, что Министерство юстиции справиться с таким объемом документов.

По данным управления Минюста по регистрации общественных объединений и политических партий, на сегодняшний день, в стране зарегистрировано 2890 НПО. Из них фактически работают чуть более 700. Однако, судя по

всему, больше всего власти беспокоят все же не эти технические моменты, а подозрения в «политизированности» некоторых НПО.

«Самое неприятное в этом проекте, — отмечает директор программ Республиканского Бюро по правам человека и соблюдению законности Нигина Бахриева, — это право полного контроля Минюста за деятельностью НПО. Если раньше право проверять нас имели Министерство финансов и прокуратура, то теперь к ним добавилась Минюст, причем его контроль не ограничен и распространяется, в том числе и на финансовую деятельность».

По ее словам, новый закон также ограничивает число видов общественных объединений, которые могут работать, и создает дополнительные препятствия для их деятельности.

«При разработке новых законов об общественных объединениях, в том числе о НПО, необходимо иметь в виду, что действующая Конституция Таджикистана устанавливает пределы государственной власти таким образом, чтобы последняя вообще не могла вмешаться в сферу гражданского общества, — говорит юрист Ашурбой Имомов. — Вместе с тем, надо учесть, что в Конституции не установлены пределы государственного вмешательства в сферу общественного самоуправления, а без такого разграничения не избежать возможных конфликтов между государством и НПО».

Тем временем, новый проект Закона «Об общественных организациях» уже поступил на рассмотрение в парламент. Представители неправительственных организаций, не исключая вероятности того, что власти могут ограничить их поле деятельности, всячески стараются повлиять на создающуюся ситуацию и принимают все меры для того, чтобы их мнение нашло отражение в новом законе. Но один из депутатов парламента прошлого созыва, анализируя ситуацию вокруг законопроекта, скептически оценивает шансы НПО что-либо изменить: «Как бы там ни старались НПО, если какой-либо законопроект уже одобрен правительством, он будет принят нашим парламентом именно в таком виде, без учета их мнения».

В последний момент достоверный источник из Министерства юстиции сообщил, что законопроект «Об общественных организациях» отправлен парламентом на доработку, для чего создана совместная рабочая группа, состоящая из представителей парламента и Министерства юстиции. Так что в ближайшее время станет известно, в какую еще игру намерены поиграть власти с неправительственными организациями.

ТЕМА НОМЕРА: НПО

Туркменская зачистка

Мурад Айтаков (Ашгабат)

Термин «НПО — неправительственные организации» всегда звучал в Туркменистане как крамола. «Неправительственные» — значит «антиправительственные». А это уже пахнет и «антигосударственными» и по сему все чиновники всегда старались избегать его, заменяя на «Общественные объединения», что выглядит вполне лояльно...

Ныне пространство, в котором обычно водятся НПО, в Туркменистане зачищено полностью. Но так было далеко не всегда, хотя самостоятельным и независимым (насколько это возможно было в Туркменистане) группам и организациям всегда с трудом удавалось балансировать на грани лояльности государству и попытками заниматься своим делом. И им всегда было трудно выживать и работать рядом с такими монстрами как «Союз ветеранов имени героя Туркменистана Атамурата Ниязова» (отца президента Ниязова), Союзом женщин Туркменистана имени героя Туркменистана Гурбансолтан-эдже (матери президента Ниязова), «Союзом молодежи имени Махтумкули (народный поэт Туркменистана) и так далее. Все дело в том, что чтобы пробиться через процедуру регистрации (до 2004 года) и занять свою нишу, нужно было доказать властям, что направления твоей деятельности некоторым образом отличаются от направлений деятельности организаций имени перечисленных героев Туркменистана и других им подобных, которые имеют государственную поддержку (пусть даже в силу славных имен в своих названиях).

И до 2004 года плодились малочисленные, но активные, не всегда добегавшие до финишной черты официальной регистрации (просто часто кончались сроки гранта), группы и клубы. То образовательные, то экологические, спортивные, рукодельческие и народного промысла, по изучению иностранных языков и даже женщин-журналистов.

По сравнению с другими странами Центральной Азии все их успехи выглядели довольно скромно, но большинство из них заслуживают огромного уважения (пусть иногда и создавались для «проедания» грантов), ибо работали они в условиях жесточайшего патернализма. И это все при том, что в Туркменистане никогда не работали сколько-нибудь серьезные

фонды и программы по поддержке НПО, и более шире — гражданского общества. Исключение составляли давно окончившие свою деятельность экологические программы и деятельность американской организации Counterpart Consortium, который никогда не имел дело и не финансировал «неправильные» с точки зрения властей организации и группы.

Но потом настал 2004 год, когда в Грузии и в Украине, где НПО заявили о себе, как о серьезной силе в обществе, в Туркменистане принимают новый закон, регулирующий деятельность «общественных объединений». Отличительной особенностью этого закона стала даже не норма, гласящая о том, что разрешение на регистрацию, кроме собственного министерства адолат (справедливости — бывшее министерство юстиции), должно давать и другое «профильное» министерство, которое и курирует ту или иную отрасль. Но ссылка на уголовный кодекс Туркменистана, в который тут же ввели статью об уголовном наказании за «незаконное занятие общественной деятельностью». Еще до вступления закона в силу, указами министра справедливости были закрыты практически все НПО (не путать с организациями имени мамы и папы президента), имеющие регистрацию. А затем сотрудники министерства справедливости по ночам обходили членов НПО и активистов и требовали от них подписи о том, что они ознакомлены с уголовной ответственностью за свою «незаконную деятельность».

Немногом позже была объявлена перерегистрация всех «общественных объединений». Как можно догадаться, эту перерегистрацию без труда прошли организации имени героев Туркменистана из семьи Ниязовых, имени народного поэта и еще несколько других, также стоящих на государственном кормлении. А также многочисленные региональные филиалы этих организаций, которые и составляют красу и гордость туркменских властей. Еще бы — по всей стране их около 180! И большинство из них — это филиалы трех-пяти общегосударственных организаций. И невдомек властям, что в менее населенном Кыргызстане НПО на два порядка (!) больше.

Из членов закрытых НПО мало кто хотел получать до 3-х лет туркменского зиндана за «незаконную общественную

деятельность». Кто-то просто уехал в далекое и ближнее зарубежье, кто-то сменил принципы и пошел на государственную службу, кто-то подрабатывает экспертом или советником в бизнесе, кто-то вообще выпал из круга общения бывших общественников. Но на этом этапе развития одного из сегментов гражданского общества в Туркменистане можно поставить точку. А, учитывая то, что в этой дивной стране нет независимых профсоюзов (даже нет закона о профсоюзах, власти помнят уроки классовой борьбы), все СМИ учреждены и принадлежат лично президенту Туркменистана, а все НПО носят или имена его родителей или былинных героев, жирную точку можно поставить и на развитии гражданского общества в целом.

Прошел год. И в 2005 году власти тихо отменили уголовное наказание за «незаконную общественную деятельность». И это вызвало восторг у дипломатов иностранных посольств и ОБСЕ. Но слезы эти были крокодильевыми. Ибо от НПО за прошедший год отвернулись и они сами. Активистов перестали звать на встречи, приостановились все грантовые программы, их лишили моральной поддержки, о них просто старались не вспоминать и не замечать. И отмена уголовного наказания за общественную деятельность через год после принятия того самого закона показала, как мало желающих играть в эти игры и с властями и с дипломатами.

Вот и происходит то, что должно произойти. Власти плодят филиалы «общественных объединений» имени героев Туркменистана и национальных героев, а посольства и прочие доноры делают вид, что довольны таким приплодом и ... начали их спонсировать! И офис ОБСЕ в Ашгабате и посольства западных стран и Counterpart Consortium с упорством достойного лучшего применения финансируют деятельность по идеологическому обслуживанию туркменского режима и культура личности президента Ниязова, так как их реципиенты ничем другим заниматься не хотят, да и не могут.

Но свято место пусто не бывает. Уже тут то там в Туркменистане появляются листовки протестного, религиозного содержания. Появляется новая сила, может быть несколько сил. И эти силы не будут такими бесхребетными оппонентами, как интеллигентствующие члены НПО. Но это уже совсем другая история. ○

ИНТЕРВЬЮ

Доноры — не панацея

Слабая база в гражданском обществе, отсутствие вовлечения широких масс — это проблема для многих НПО в регионе

С региональным директором по Центральной Азии и Кавказу института Открытое общество (Нью-Йорк) Кассандрой Кавано беседует корреспондент журнала «Оазис» Азиза Расулова.

Можете Вы дать оценку динамики развития за последние несколько лет неправительственных организаций в центрально-азиатских странах?

Я не исследовала данную тему, поэтому не могу дать количественную характеристику. В некоторых странах, где существует жесткое административное давление (как, например, в Узбекистане и Туркменистане) количество неправительственных организаций уменьшается. В других странах, где появляются новые правительственные источники финансирования количество неправительственных организаций возможно возрастает. В некоторых странах Кавказа, таких, как Азербайджан и Армения в последние годы был бум в развитии неправительственного сектора. Такие процессы могут возникнуть в какой-то степени и в Центральной Азии.

Какие слабые и какие сильные (если они есть) стороны или позиции Вы бы могли отметить у неправительственных организаций Центральной Азии (например, нехватка ресурсов, зависимость от внешних грантов, слияние с политической оппозицией)?

Мы делаем ошибку, когда сравниваем гражданское общество и неправительственные организации. Гражданское общество включает в себя многое, и усиление гражданского общества очень важный вопрос, так как он зависит напрямую от возможности граждан реализовывать собственную созидательную энергию и влиять на свою жизнь.

К вопросу о сильных и слабых сторонах НПО. Я бы могла отметить слабую базу в гражданском обществе, отсутствие вовлечения широких масс — это проблема для многих НПО в регионе, но не для

всех. Этот недостаток ведет за собой к другим проблемам, о которых Вы упомянули, таких, как зависимость от внешних ресурсов, что в свою очередь ведет к чрезмерной зависимости миссии и деятельности организации от внешних доноров.

Как вы оцениваете перспективы развития неправительственного сектора в странах Центральной Азии?

Каждая страна должна рассматриваться отдельно. Существуют страны, в которых, очевидно, пытаются не дать возможность людям состоять в неправительственных организациях. И есть другие страны, руководители которых хотели бы иметь больший государственный контроль над деятельностью НПО. Степень того, как региональные правительства принимают на себя обязательства поощрять верховенство закона, определяет, насколько они сохраняют или пытаются посягать на свободу, которая необходима для создания НПО.

Правительство Узбекистана закрыло почти все неправительственные организации, работающие в сфере демократизации общества, считая, что внешние силы устраивают смену власти, используя НПО. Как вы считаете, какова была роль неправительственного сектора в революции в Грузии и Кыргызстане?

Гражданское общество в Грузии и Украине было активно в требовании к власти соблюдать законы, они документировали, как нарушались законы во время выборов. Они стали каналом и способом в организации массового недовольства. Во время предвыборного периода, они обучали людей в сфере выборов, о том, что необходимо участвовать, о ценности свободных и честных выборов как выражение желания масс. В Кыргызстане, как мне видится, НПО были намного менее вовлечены в поствыборную фазу, но достаточно вовлечены в предвыборный период обучения населения. Тем не ме-

нее, никакие НПО не могут готовить массовое недовольство — оно должно идти от самих людей. Узбекское правительство заблуждается во мнении о заговорщической направленности НПО.

Каковы общие черты, и каковы различия между неправительственными организациями центрально-азиатских республик?

Я не думаю, что можно обобщать все НПО, даже если они находятся в одном регионе и близлежащих странах. Есть одна мысль, которую я могу высказать. Это то, что они пытаются фокусироваться на лидерах. НПО основаны и существуют за счет сильных личностей, а не за счет членов этих организаций или их учредителей. Но это несколько грубое обобщение.

Что, по Вашему мнению, определяет наличие гражданского общества? Можно ли сказать, что, например, в Кыргызстане или Казахстане, где работает много НПО существует сильное гражданское общество?

Гражданское общество, обычно, сильное, если существует много НПО, но количество НПО не обязательно является показателем сильного гражданского общества. Гражданское общество должно иметь свободу от вмешательства государства. И тогда, является важным наличие реальной свободы объединения, мысли и выражения. Но граждане также могут быть активно вовлечены в странах, которые становятся более репрессивными. Движение «Солидарность» в коммунистической Польше хороший тому пример. Гражданское общество существует в странах, где граждане чувствуют свободу и возможность действовать, менять их собственную судьбу независимо от государства. Кыргызстан является хорошим примером страны, с относительно вовлеченными гражданами. Я меньше знаю Казахстан, но встречалась с людьми, которые делают интересную работу в различных областях жизнедеятельности, пытаюсь улучшить ситуацию граждан в своей стране. ●